

УДК 630*435

Ю. Н. КРАСНОШЁКОВ

Институт леса СО РАН, г. Красноярск

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОЧВОЗАЩИТНЫХ ФУНКЦИЙ ГОРНЫХ ЛЕСОВ ПОД ВЛИЯНИЕМ ПОЖАРОВ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ЗОНЕ БАЙКАЛЬСКОЙ ПРИРОДНОЙ ТЕРРИТОРИИ

Рассмотрены данные экспериментальных исследований влияния пожаров на изменение почвозащитных функций кедровых и сосновых лесов в южной части центральной экологической зоны Байкальской природной территории. Показано негативное воздействие низовых пожаров подстильно-гумусового вида на изменения запасов, качественного состава лесных подстилок и их влагоёмкости, а также водно-физических свойств почв. Приведены количественные показатели жидкого и твердого поверхностного стока, формирующегося на гаях в зависимости от крутизны склонов, интенсивности и давности пройденных пожаров.

Ключевые слова: *центральная экологическая зона, горные леса, почвозащитные функции горных лесов, низовые пожары подстильно-гумусового вида, водопроницаемость почв, поверхностный жидкий и твердый сток.*

An analysis is made of the data from experimental investigations into the influence of fires on changes in the soil-protective functions of Siberian stone pine and pine forests in the southern part of the central ecological zone of the Baikal natural territory. The study revealed a negative influence of ground fires of the litter-humus type on changes in reserves and qualitative functional composition of forest litter and its moisture capacity as well as in water-physical properties of soils. Quantitative indices are provided for the liquid and solid overland runoff forming in burnt-over areas, depending on slope steepness, and on the intensity and temporal remoteness of past fires.

Keywords: *central ecological zone, mountain forests, soil-protective functions of mountain forests, ground fires of the litter-humus type, water permeability of soils, liquid and solid overland runoff.*

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Центральная экологическая зона (ЦЭЗ) Байкальской природной территории (БПТ) непосредственно примыкает к Байкалу и имеет особый природоохранный и социально-экономический статус. Ее площадь составляет 57,6 тыс. км². ЦЭЗ является субъектом как международного (объект Всемирного наследия ЮНЕСКО), так и российского (Закон о Байкале) законодательства об охране природы. В пределах зоны леса занимают около 80 % ее площади. Чистота и качество воды, поступающей в Байкал с горных хребтов, обрамляющих озеро, в значительной степени определяются водоохранными, водорегулирующими, почвозащитными и другими экологическими функциями лесных экосистем [1–3].

К настоящему времени лидирующая роль пирогенного фактора в дигрессии лесов Байкальского региона представляется совершенно очевидной, так как горимость лесов здесь более чем на порядок превосходит общероссийский уровень. При обычных погодных условиях в лесах бассейна оз. Байкал возникает 700–900 пожаров за год. Во время пирогенной аномалии в 2000 и 2003 гг. байкальские леса горели в три-четыре раза чаще, а выгоревшая площадь лесных массивов разных высотно-поясных комплексов (ВПК) превышала 400 тыс. га [4].

В пределах ЦЭЗ особенно пострадали леса буферной зоны Прибайкальского национального парка, Ольхонского и Голоустненского лесничеств. Последнее в 2003 г. потеряло около 20 % лесов. В Республике Бурятия наиболее тяжкие последствия от пожаров зарегистрированы в Байкальском и Кикинском лесничествах, а также в буферной зоне Забайкальского национального парка — в Усть-Баргузинском лесничестве. Лесопирогенные аномалии случались и раньше, в середине 1950-х и во второй половине 1970-х гг. То, что произошло в последнее время, во многом обусловлено снижением уровня противопожарной охраны лесов.

В литературе неоднократно отмечалось, что пожары и вообще огонь следует включить в число важных факторов, влияющих на развитие и функционирование лесных экосистем [5–7]. В отличие от любых антропогенных и техногенных воздействий на среду, роль огня в формировании современ-

ного облика лесных ландшафтов очень специфична. Она связана с интенсивностью пожара, свойствами горючих материалов, геоморфологическими и другими условиями [8–10]. Значение горного рельефа в возникновении лесных пожаров возрастает в связи с вертикальной зональностью климата, а также влиянием экспозиции и крутизны склонов.

Несмотря на ключевую роль пирогенного фактора в современной динамике лесных экосистем, его влияние на изменение средообразующих, в том числе водоохраных, водорегулирующих и почвозащитных, функций горных лесов в таком уникальном регионе, как центральная экологическая зона БПТ, до настоящего времени изучено недостаточно.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Объектом исследований являются горные леса южной части центральной экологической зоны Байкальской природной территории. Территориальная схема проведения работ основывается на понятии высотно-поясного комплекса типов леса и на диагностических признаках ВПК для гор Южной Сибири [11, 12].

По лесорастительному районированию гор Южной Сибири [12] ЦЭЗ целиком вписывается в Восточно-Прибайкальскую и Западно-Прибайкальскую лесорастительные провинции. В пределах провинций исследования проводились в Улан-Бургасском, Хамар-Дабанском и Приморском лесорастительных округах, различающихся спектрами высотной поясности и характеристиками отдельных поясов при наличии одной общей особенности — господстве таежных темнохвойных и светлохвойных лесов. На склонах разной крутизны и экспозиции в коренных и производных древостоях заложено 65 пробных площадей, в том числе 35 на пожарищах разного возраста, пройденных огнем высокой и средней интенсивности. Закладка пробных площадей, а также их лесоводственно-геоботаническая характеристика выполнены согласно методическим указаниям [13].

На основании проведенных наблюдений за формированием жидкого и твердого поверхностных стоков под пологом нетронутых пожарами древостоев (30 пробных площадей) создан банк данных по девяти параметрам, установленным по методикам [14–16].

Одной пробной площади (контроль) соответствует совокупность девяти параметров (в скобках указан диапазон изменения значений параметра в собранном материале): P_1 — твердый сток, т/км² в год ($0,001 < P_1 < 20$); P_2 — жидкий сток, мм/год ($0,05 < P_2 < 50$); P_3 — запас подстилки, т/га ($1,6 < P_3 < 30,9$); P_4 — влагоемкость подстилки, мм ($0,2 < P_4 < 19,3$); P_5 — водопроницаемость почв, мм/мин ($40 < P_5 < 260$); P_6 — крутизна склона, град. ($5 < P_6 < 30$); P_7 — годовое количество осадков, мм ($360 < P_7 < 1020$); P_8 — полнота древостоя, доля от единицы ($0,4 < P_8 < 1,1$); P_9 — процентное покрытие напочвенного покрова, % ($25 < P_9 < 100$).

На гаях разного возраста, пройденных пожарами различной интенсивности, одной пробной площади соответствует совокупность восьми параметров: Y_1 — твердый сток, т/км² в год ($0,6 < Y_1 < 4800$); Y_2 — жидкий сток, мм/год ($9 < Y_2 < 340$); Y_3 — запас подстилки, т/га ($0,2 < Y_3 < 22,1$); Y_4 — влагоемкость подстилки, мм ($0,002 < Y_4 < 8,3$); Y_5 — водопроницаемость почв, мм/мин ($0,2 < Y_5 < 150$); Y_6 — возраст гари, лет ($1 < Y_6 < 15$); Y_7 — крутизна склона, град. ($5 < Y_7 < 25$); Y_8 — % погибших деревьев ($2 < Y_8 < 100$).

Жидкий и твердый поверхностные стоки измерялись объемным методом. В маршрутных исследованиях применяли метод искусственного дождевания микроплощадок [17].

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Почвозащитная роль лесов определяется, как известно, способностью лесного фитоценоза сохранять почву от разрушения жидким поверхностным стоком, размеры которого обусловлены фитоценотической структурой насаждений, водно-физическими свойствами почв и лесных подстилок. Все эти показатели, раскрывающие почвозащитные функции лесов в горных сооружениях, изменяются в довольно широких диапазонах в соответствии с вертикальной поясностью, с которой и связана интенсивность их проявления.

В Южном Прибайкалье горно-таежные кедровые леса приурочены к абсолютным высотам 600–1200(1300) м. Их фитоценотической особенностью, как и в других регионах гор Южной Сибири, принадлежащих к циклоническим климатическим фациям, является преобладание кустарничково-зеленомошных типов леса. Они доминируют на территории северного, обращенного к Байкалу, мак-

росклона хр. Хамар-Дабан, а также в темнохвойных лесах юго-западной и восточной частей побережья, где являются ландшафтообразующими [18]. Примыкающая к Хамар-Дабану часть Олхинского плато (между южной частью Байкала и р. Ангарой) на водоразделах с абс. отм. 900–1000 м представлена экосистемами кустарничково-зеленомошных лесов с древостоями смешанного состава: в значительной степени к кедру примешиваются сосна и лиственница, а также пихта.

Особую роль в проявлении защитных функций леса выполняет лесная подстилка. Она способна поглощать часть жидких осадков, препятствует или в значительной степени сокращает образование жидкого поверхностного стока, сохраняет на высоком уровне водопроницаемость почв, предохраняет нижние минеральные горизонты почв от механического разрушения дождевыми осадками. Защитные свойства подстилки определяются ее мощностью, запасом и влагоемкостью.

В пределах горно-таежного кедрового класса ВПК типов леса запасы и влагоемкость подстилок колеблются в широких пределах. Так, наименьшее количество подстилки содержится в кедровниках кустарничково-зеленомошных и чернично-зеленомошных 60–80-летнего возраста — $9,2 \pm 1,4$ т/га, а ее влагоемкость составляет $6,5 \pm 0,8$ мм. В насаждениях 110–150-летнего возраста запасы и влагоемкость подстилок изменяются соответственно от 24,2 до 29,4 т/га и от 9,8 до 11,3 мм. Запас подстилки в кедровниках 200–250-летнего возраста составляет $26,6 \pm 2,5$ т/га, а ее влагоемкость — $17,4 \pm 2,2$ мм.

В почвенном покрове кедровых лесов широко распространены подбуры типичные, грубогумусовые, оподзоленные и перегнойные, подзолы грубогумусовые, оторфованные и перегнойные. Выявлена тенденция снижения водопроницаемости почв от водоразделов и верхних частей склонов к нижним частям склонов и понижениям, что связано с изменением мощности и состава рыхлых четвертичных отложений, а также с содержанием грубообломочного материала. Так, очень высокими инфильтрационными свойствами (более 200 мм/мин) характеризуются почвы водоразделов, где по гранулометрическому составу преобладают сильнощебнистые супесчаные и легкосуглинистые разновидности. В средних и нижних частях склонов инфильтрация почв изменяется от $38,7 \pm 4,5$ до $57,0 \pm 4,0$ мм/мин. В нижних частях склонов второстепенных хребтов она равна $18,1 \pm 3,6$ мм/мин.

Одним из интегральных показателей почвозащитных функций леса является поверхностный жидкий сток, который представляет часть не поглощенных растительностью и почвой атмосферных осадков. Процесс формирования жидкого и твердого поверхностных стоков связан с климатическими, геоморфологическими, почвенными и биогенными факторами. В пределах отдельного класса ВПК формирование жидкого и твердого поверхностных стоков зависит также от полноты, состава насаждений, возраста, проективного покрытия живого напочвенного покрова, типа леса, водно-физических свойств лесных подстилок и почв, которые существенно изменяются в процессе онтогенеза лесных экосистем [19].

Экспериментально установлено, что в летний период дожди силой до 5 мм под пологом кедровых лесов сток не образуют. Основными стокообразующими дождями являются дожди средней интенсивности (силой более 10 мм), а также ливневого характера. В рассматриваемых лесах поверхностный сток характеризуется очень малыми величинами и не превышает 2–3 % от суммы осадков. Модуль твердого стока составляет $0,001–3,5$ т/км² в год. Эрозионные коэффициенты очень низкие — от $1 \cdot 10^{-5}$ до $5 \cdot 10^{-5}$.

Горная светлохвойная тайга преобладает на площади лесного фонда в пределах Улан-Бургасского и Приморского округов. В данном регионе она представлена сосняками преимущественно IV класса бонитета с примесью лиственницы с успешным возобновлением сосны. Ландшафтообразующими являются сосновые и лиственничные леса с хорошо развитым подлеском из рододендрона даурского, ольховника.

Сосняки рододендровые бруснично-разнотравные характеризуются древостоями с единичной примесью лиственницы и березы IV класса бонитета. Подрост из сосны и кедра. В подлеске единичные экземпляры спиреи, кизильника и густые заросли рододендрона даурского. В целом сосняки с подлеском из рододендрона бруснично-разнотравные образуют типологический фон светлохвойного горно-таежного пояса, сочетаясь с небольшими по занимаемой площади лиственничниками этих же серий типов леса.

Наибольшими запасами подстилки ($18,5 \pm 5,6$ т/га) характеризуются сосняки бруснично-разнотравные и рододендровые бруснично-разнотравные 180–200-летнего возраста, их влагоемкость равна $6,8 \pm 0,7$ мм. Относительно меньшими запасами и влагоемкостью подстилки отличаются сосновые насаждения 80–100-летнего возраста: $11,1 \pm 1,2$ т/га и $3,3 \pm 0,4$ мм соответственно.

В пределах региона в структуре почвенного покрова горно-таежного светлохвойного ВПК широко распространены серогумусовые типичные, темнопрофильные, иллювируемые и оподзоленные, а также подзолистые почвы и подзолы. На крутых каменистых склонах формируются литоземы серогумусовые, на карбонатных почвообразующих породах — карболитоземы темногумусовые. Высокой (провальной) водопроницаемостью характеризуются хрящевато-супесчаные и легкосуглинистые разновидности серогумусовых почв и подзолов верхних и средних частей склонов хребтов. Коэффициент инфильтрации этих почв изменяется от $61,4 \pm 5,9$ до $85,0 \pm 8,6$ мм/мин. В средних частях склонов серогумусовые и подзолистые почвы более тяжелого гранулометрического состава имеют инфильтрацию, равную $27,5 \pm 5,2$ мм/мин.

Величина поверхностного жидкого стока под пологом леса не превышает в большинстве случаев 5–10 % от суммы осадков. Модуль твердого стока в зависимости от крутизны склона изменяется от 0,01 до 20,0 т/км² в год, эрозионные коэффициенты — от $2 \cdot 10^{-5}$ до $25 \cdot 10^{-5}$.

Для построения зависимостей, адекватно отражающих процессы формирования жидкого и твердого поверхностных стоков в изученных ВПК, создана база данных. С использованием различных показателей построены модели, описывающие размеры жидкого и твердого стока. Все полученные коэффициенты и уравнения достоверны на уровне значимости ($\alpha = 0,05$), общепринятом в практике биологических исследований. Установлены зависимости между твердым и жидким поверхностными стоками, формирующимися в горно-таежном кедровом и горно-таежном сосновом ВПК (рис. 1, а) в пределах южной части ЦЭЗ.

Помимо уже известных зависимостей (величина осадков, крутизна склона и др.) важно обнаружить влияние биогенного фактора на формирование поверхностного жидкого стока. Ранее в качестве ключевых переменных нами использовались проективное покрытие живого напочвенного покрова и полнота древостоев [20, 21]. В дальнейшем установлено, что наряду с этими показателями информативными переменными являются запас и влагоемкость подстилки, позволяющие судить о размерах поверхностного жидкого стока и связанных с ними эрозионных процессах. Чем выше влагоемкость подстилки, тем меньше размеры поверхностного жидкого, а следовательно, и твердого стока (см. рис. 1, б).

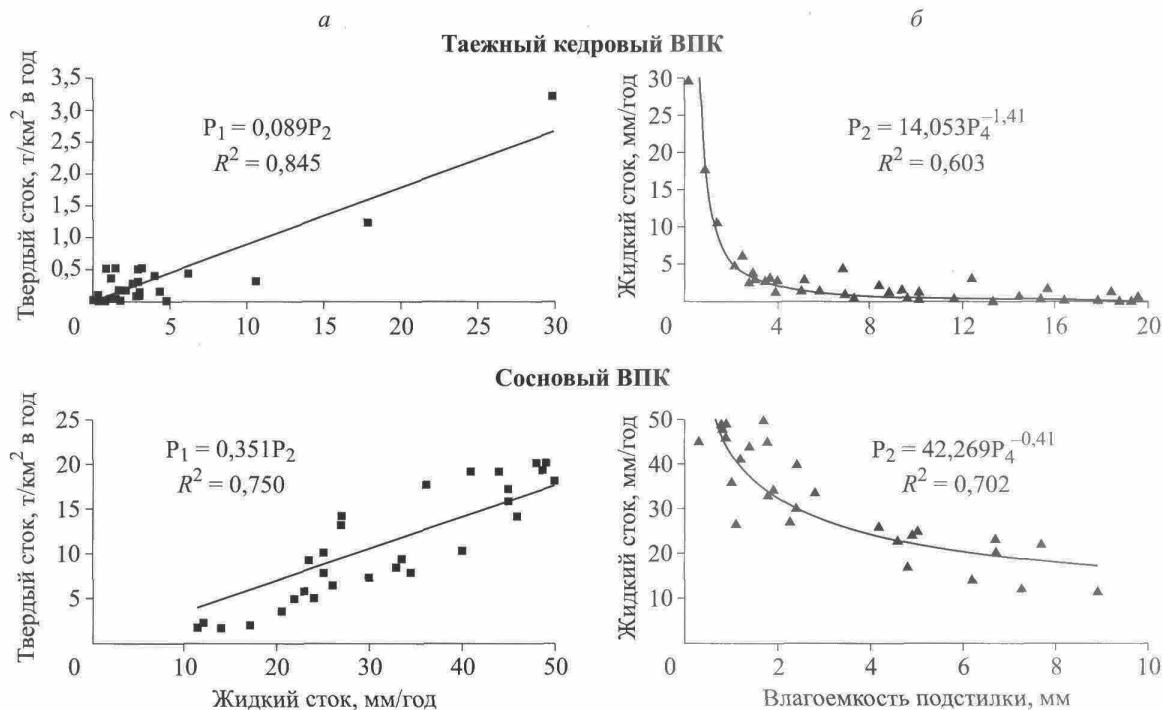

Рис. 1. Зависимости изменения поверхностного твердого стока от жидкого (а), жидкого поверхностного стока от влагоемкости подстилки (б) в таежном кедровом и сосновом ВПК.

Низовые пожары подстилочно-гумусового вида, преобладающие в данном регионе, в зависимости от интенсивности огня по-разному трансформируют основные компоненты лесной экосистемы. Независимо от вида и интенсивности пожара в сферу горения всегда попадает напочвенный покров и поверхностный органогенный горизонт почв — лесная подстилка. При сильном воздействии огня и полном сгорании подстилки происходит трансформация верхних органо-минеральных и минеральных горизонтов почв. В результате резкого изменения экологических условий и поступления большого количества золы на поверхность почвы резко изменяются ее физические и физико-химические свойства, а также гидротермический режим. Это приводит к перераспределению поверхностного и внутриспочвенного стока и, соответственно, к резкой активизации процессов денудации (снос и перераспределение мелкозема), под влиянием которых наблюдается обеднение верхних горизонтов почв и их деградация.

В первые годы после пожаров высокой и средней интенсивности на гарях отмечается значительное изменение в поверхностных органогенных и грубогумусовых горизонтах почв. Установлено, что в кедровых лесах Южного Прибайкалья при слабой и средней интенсивности пожара мощность этих горизонтов уменьшается на 23–25 %, а при высокой — на 80 %. Вновь образованные на пожарищах поверхностные органогенные пирогенные горизонты (O_{пр}, O_{Lпр}, O_{Aпр}) по мощности, запасам и особенно по влагоемкости значительно отличаются от аналогов под пологом нетронутого пожаром леса.

В таежном кедровом и сосновом ВПК выявлены зависимости между запасами и влагоемкостью подстилки, с одной стороны, и возрастом гари, с другой (рис. 2). Высокие значения R^2 наблюдаются уже при линейных зависимостях. Однако с точки зрения физического смысла более точно зависимости изменения запасов и влагоемкости поверхностных органогенных пирогенных горизонтов от возраста гари описываются полиномиальными кривыми.

В первые пять лет в кедровых и сосновых древостоях, пройденных пожарами высокой и средней интенсивности, запасы подстилки и ее влагоемкость находятся на низком уровне (см. рис. 2, а, б). Это связано с резким уменьшением во фракционном составе хвои, листьев, мхов и трухи в результате их выгорания и с абсолютным преобладанием грубых, маловлагоемких фракций. В дальнейшем, в связи с возобновлением хвойных и мелколиственных пород, происходит восстановление живого напочвенного растительного покрова и поступление на поверхность почвы растительных остатков.

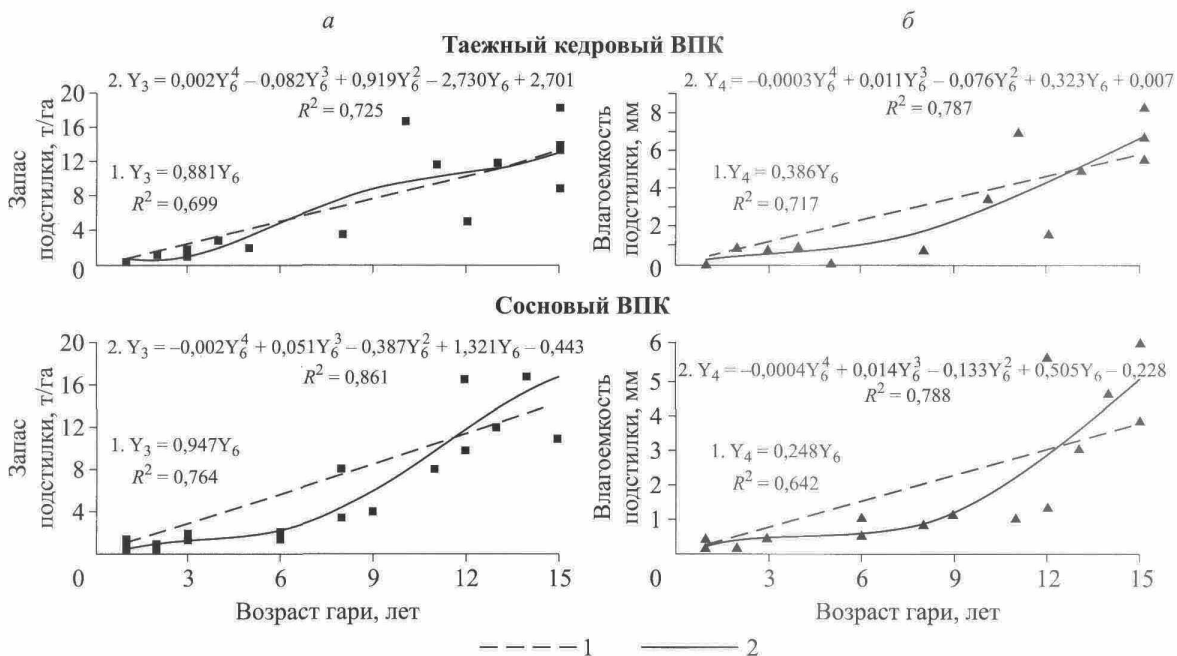

Рис. 2. Зависимости изменения запасов подстилки (а) и ее влагоемкости (б) от возраста гари в таежном кедровом и сосновом ВПК.

Формирующаяся подстилка становится более влагоемкой, способной значительно снижать жидкий поверхностный сток и, следовательно, размеры эрозионных процессов.

Под воздействием лесных пожаров заметно возрастает плотность сложения и уменьшается общая пористость верхних горизонтов почв. Так, значительное изменение плотности сложения сухой почвы и общей пористости отмечено нами ранее на свежих и 3-летних гарях сосняков и лиственничников в Прибайкалье, Забайкалье и Северной Монголии [19], где в почвенном покрове распространены серогумусовые хрящевато-среднесуглинистые и тяжелосуглинистые разновидности почв. По сравнению с лесом, где плотность сложения в слое почвы 0–5 см равна 0,36–0,42 г/см³, в слое 5–20 см — 0,80–1,14 г/см³, на гарях она выше: в слое почв 0–5 см — 0,50–0,97 г/см³, а в слое 5–20 см — 0,88–1,22 г/см³. Общая пористость в слое 0–5 см под пологом леса составляет 80–83 %, в слое 5–20 см — 55–64 %, на гарях она ниже и равна соответственно 56–76 и 50–61 % от объема. На участке 5-летней гари плотность сложения слоя почвы 0–5 см равна 0,64–0,93 г/см³, общая пористость — 71–78 %. На старых гарях (8–10-летних) плотность сложения слоя почв 0–5 см составляет 0,65–0,75 г/см³, а общая пористость — 60–70 %.

Изменение общих физических свойств почв на гарях приводит к ухудшению их водопроницаемости. Если в кедровниках кустарничково-зеленомошных (на контроле) водопроницаемость подзолов и подбуров грубогумусовых хрящевато-суглинистого и супесчаного гранулометрического состава равна 65–170 мм/мин, то на свежих и 2–4-летних гарях на участках, пройденных огнем высокой и средней интенсивности, она уменьшается до 0,4–15,0 мм/мин. На 5-летних гарях на участках, пройденных пожарами слабой интенсивности, водопроницаемость почв составляет 62–125 мм/мин, средней интенсивности — 36–80 мм/мин, высокой — 5,8–24,0 мм/мин. На гарях 10–15-летнего возраста почвы имеют водопроницаемость 48–150 мм/мин.

В пределах таежных сосновых лесов под пологом леса (на контроле) серогумусовые хрящевато-среднесуглинистые и тяжелосуглинистые почвы имеют водопроницаемость 22,0–36,4 мм/мин. На свежих и 3-летних гарях она уменьшается до 0,2–4,0 мм/мин, на 5–8-летних — до 3,2–11,8 мм/мин. Почвы 10–15-летних гарей имеют водопроницаемость 10,8–16,5 мм/мин. В данном случае относительно плохая водопроницаемость почв даже на гарях 10–15-летнего возраста связана с их эродированностью, а следовательно, с невосстановившимися физическими и водно-физическими свойствами.

Огневая трансформация органогенных горизонтов, ухудшение физических и водно-физических свойств почв на гарях сопровождаются резким возрастанием размеров поверхностного склонового стока и развитием эрозионных процессов, приводящих к разрушению почвы как природного тела.

Как показали исследования, развитие эрозионных процессов на гарях наблюдается в основном в виде плоскостного смыва и мелкоструйчатого размыва. Кроме этого большое влияние на разрушение почвы здесь оказывают вывалы поврежденных и ослабленных огнем деревьев. Вывалы деревьев создают своеобразный микрорельеф на горном склоне, состоящий из западин, «земляной стены» [22] и упавшего дерева. Земляная стена образуется вывороченной корневой системой, которая в первые годы после вывала осыпается, мелкозем легко размывается и сносится поверхностным жидким стоком за пределы склона.

В горно-таежном кедровом ВПК на свежих гарях на склонах крутизной 5–15° суммарный размер эрозии изменяется от 600 до 1800 т/км² в год. Наиболее интенсивный снос почвы наблюдается на свежих гарях, пройденных пожарами высокой и средней интенсивности. Здесь при поверхностном стоке 320–350 мм в год суммарный размер эрозии на склонах крутизной 15–25° достигает 3000–3400 т/км² в год. На гарях 3–5-летнего возраста на склонах крутизной 5–15° суммарная эрозия составляет 250–600 т/км² в год, а при крутизне 15–25° — 1000–1500 т/км² в год. На старых гарях (старше 10 лет) при восстановлении на них растительности эрозионные процессы незначительны и не превышают естественную эрозию под пологом леса.

На свежих гарях таежных сосновых лесов на склонах крутизной 5–15° суммарный размер эрозии составляет 800–1100 т/км² в год, а при крутизне 15–25° суммарный размер эрозии при стоке 230–250 мм увеличивается до 3500–4800 т/км² в год.

Нарушение защитного растительного слоя пожаром на крутых склонах (25–30° и более) часто приводит к полному сносу мелкозема, в результате чего на поверхности местами обнажены плиты и крупные обломки горных пород. На крутых склонах мелкозем сохраняется лишь фрагментарно, в основном в западинах и на участках крутизной менее 10°, а также под кронами отдельных сосен, обладающих мощной поверхностной корневой системой. Аккумуляция мелкозема происходит также в приствольных зонах, расположенных по склону выше стволов деревьев и имеющих протяженность

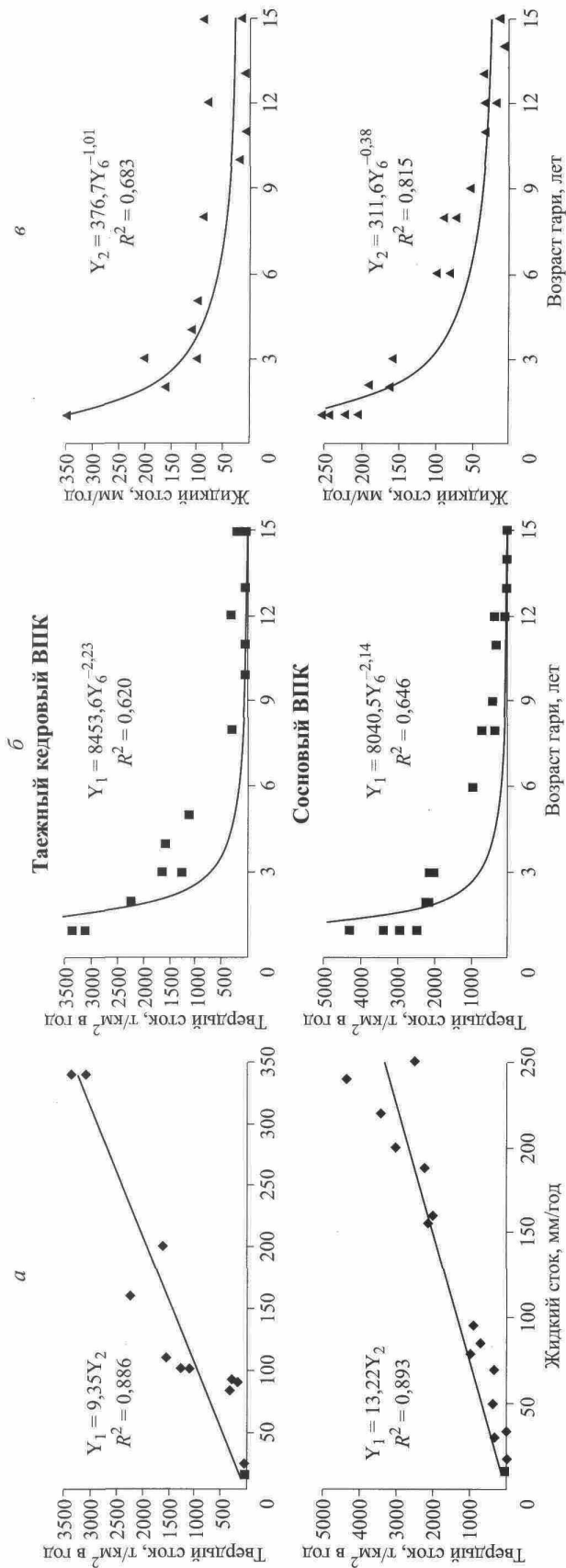

Рис. 3. Зависимости изменения поверхностного твердого стока от жидкого (а), поверхностных твердого (б) и жидкого (в) стоков от возраста гари в таежном кедровом и сосновом ВПК.

1–2 м. Здесь же наблюдается формирование органогенного пирогенного горизонта, причем более половины его запасов сосредоточено именно на этой площади. Однако очень часто в условиях горного рельефа на крутых склонах после лесного пожара высокой интенсивности смывается весь почвенный мелкозем и образуются каменистые россыпи (курумники), долгое время не зарастающие лесом. В пределах таежно-лесного пояса гор Прибайкалья около 50 % курумников имеют послепожарное происхождение.

На 3–5-летних гарях сосновых лесов на склонах крутизной 5–15° суммарный размер эрозии равен 680–950 т/км² в год, а при крутизне 15–25° он возрастает до 1400–1900 т/км² в год. Относительно длительное время эрозионные процессы развиты на старых гарях (10–15-летних), где процессы восстановления растительного покрова замедлены повторными пожарами. Даже на склонах крутизной 15–25° суммарный размер эрозии при стоке 50–90 мм составляет 270–350 т/км² в год. На старых возобновившихся гарях (10–15-летних) интенсивность развития эрозии не выше, чем на облесенных территориях. Это связано с хорошим возобновлением и интенсивным зарастанием гарей травянистой растительностью. Верхние горизонты почв хорошо скреплены корневыми системами травянистой растительности; сформировавшиеся органогенный и дерновый горизонты противодействуют размытию.

Выявлены зависимости между твердым и поверхностным жидким стоками на гарях в таежном кедровом и сосновом ВПК в южной части центральной экологической зоны БПТ (рис. 3, а). Высокие значения R^2 наблюдаются при линейных зависимостях. Жидкий поверхностный сток на гарях в 3–15 раз выше, чем под пологом негорелого леса.

Установлены зависимости изменения поверхностного жидкого и твердого стока от возраста гари (см. рис. 3, б, в). Отмечено резкое снижение твердого стока на 5–8-й год при условии успешного зарастания гарей растительностью. В то же время жидкий поверхностный сток на гарях как в кедровом, так и сосновом ВПК сохраняется более длительное время, однако эрозионной опасности он не представляет.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Под почвозащитной ролью леса понимается способность лесного фитоценоза сохранять почву от разрушения жидким поверхностным стоком, размеры которого обусловлены фитоценотической структурой насаждений, водно-физическими свойствами почв и лесных подстилок. В горных сооружениях с выраженной высотной поясностью климата, почв и растительности существует четкая связь количественных характеристик стока с высотными поясами, причем наибольшая доля стока (до 80 %) приходится на верхние подгольцово-таежные и таежные ВПК. Горно-таежные темнохвойные и светлохвойные леса фильтруют основную массу влаги, поступающую из атмосферы, и непосредственно участвуют в формировании речного стока.

Лесные пожары в горах вызывают часто развитие необратимых деструктивных процессов, ведущих к разрушению почвы как природного тела. Пожары средней и высокой интенсивности на горных склонах, при частичном или полном сгорании защитного растительного слоя, способствуют резкому снижению водопоглотительной способности трансформированных лесных подстилок и водопроницаемости почв. Это создает условия для формирования жидкого поверхностного стока и усиления эрозионных процессов. На свежих гарях, в зависимости от интенсивности огня, поверхностный сток возрастает в 3–15 раз, а твердый — в десятки и сотни раз. Восстановление этой функции леса растягивается на многие десятилетия.

Трансформация защитных функций горных лесов, изменение экзогенных и эдафических факторов после пожаров значительно влияют и на дальнейшее жизненное состояние горных кедровых и сосновых лесов и их функционирование. В первую очередь вновь складывающиеся послепожарные условия негативно влияют на продукционный процесс насаждений, изреживание и ослабление их прироста, а в результате — на снижение общей производительности.

Полученные ранее данные о приросте деревьев в рассматриваемых насаждениях в ЦЭЗ Байкальской природной территории свидетельствуют, что продуктивность горевших деревьев существенно снижена по сравнению с допожарным периодом [23]. Снижение полноты древостоев, вызванное пожаром, следует оценивать как дигрессивный процесс для кедровых и сосновых древостоев.

По данным Р. А. Зиганшина [24], в условиях северо-западного склона Хамар-Дабана в постпирогенных кедровых древостоях продуктивность приблизительно на 1/3–1/2 ниже нормального запаса. При этом резко снижены полнота и бонитет насаждений. Предупреждением лесных пожаров в горно-таежном кедровом поясе можно повысить продуктивность древостоев на 30–40 %. Охрана горных лесов от пожаров, сохранение ими высокого уровня защитных функций обеспечат чистоту и качество воды, поступающей в озеро.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Коваль И. П. Гидрологическая и почвозащитная роль горных лесов // Горные леса. — М.: Лесн. пром-сть, 1979. — С. 41–56.
2. Побединский А. В. Водоохранная и почвозащитная роль лесов. — М.: Лесн. пром-сть, 1979. — 174 с.
3. Средообразующая роль лесов бассейна озера Байкал / Под ред. В. В. Протопопова. — Новосибирск: Наука, 1979. — 255 с.
4. Евдокименко М. Д. Пирогенная дигрессия светлохвойных лесов Забайкалья // География и природ. ресурсы. — 2008. — № 2. — С. 109–115.
5. Мелехов И. С. Влияние пожаров на лес. — М.; Л.: Гослестехиздат, 1948. — 126 с.
6. Сапожников А. П. Роль огня в формировании лесных почв // Экология. — 1976. — № 1. — С. 43–46.
7. Фурьев В. В. Роль пожаров в процессе лесообразования. — Новосибирск: Наука, 1996. — 253 с.
8. Евдокименко М. Д. Факторы горимости байкальских лесов // География и природ. ресурсы. — 2011. — № 3. — С. 51–57.
9. Курбатский Н. П. Пирологические особенности лесов // Охрана лесов от пожаров в бассейне оз. Байкал. — Красноярск: Изд-во Ин-та леса СО АН СССР, 1976. — С. 5–11.
10. Софронов М. А., Волокитина А. В., Софронова Т. М. Пожары в горных лесах. — Красноярск: Ин-т леса им. В. Н. Сукачева СО РАН, 2008. — 388 с.
11. Назимова Д. И., Коротков И. А., Чередникова Ю. С. Основные высотно-поясные подразделения лесного покрова в горах Южной Сибири и их диагностические признаки // Чтения памяти В. Н. Сукачева. — М.: Наука, 1987. — С. 30–64.
12. Типы лесов гор Южной Сибири / Под ред. В. Н. Смагина. — Новосибирск: Наука, 1980. — 336 с.
13. Программа и методика биогеоэкологических исследований. — М.: Наука, 1974. — 403 с.

14. Молчанов А. А. Гидрологическая роль лесов. — М.: Изд-во АН СССР, 1960. — 484 с.
15. Лебедев А. В. Влияние лесистости и распаханности территории на водную эрозию почв в Сибири // Лес и почва. — Красноярск: Изд-во Ин-та леса СО АН СССР, 1968. — С. 325–331.
16. Вадюнина А. Ф., Корчагина З. А. Методы исследований физических свойств почв и грунтов. — М.: Высш. шк., 1973. — 399 с.
17. Швец Г. И. Формирование водной эрозии, стока наносов и их оценка. — Л.: Гидрометеиздат, 1974. — 182 с.
18. Чередникова Ю. С. Прибайкальская горная лесорастительная область // Типы лесов гор Южной Сибири. — Новосибирск: Наука, 1980. — С. 236–278.
19. Краснощёков Ю. Н. Почвозащитная роль горных лесов бассейна озера Байкал. — Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2004. — 224 с.
20. Краснощёков Ю. Н. Высотно-поясные особенности эрозионных процессов в лесных экосистемах бассейна Байкала // География и природ. ресурсы. — 2007. — № 4. — С. 42–48.
21. Краснощёков Ю. Н., Кофман Г. Б., Назимова Д. И. Формирование поверхностного стока в горных лесах Южной Сибири // Сиб. экол. журн. — 2005. — № 1. — С. 23–28.
22. Васенев И. И., Таргульян В. О. Ветровал и таежное почвообразование. — М.: Наука, 1995. — 247 с.
23. Краснощёков Ю. Н., Евдокименко М. Д., Чередникова Ю. С., Болонева М. В. Послепожарное функционирование лесных экосистем в Восточном Прибайкалье // Сиб. экол. журн. — 2010. — № 2. — С. 221–230.
24. Зиганшин Р. А. Послепожарные насаждения экологического профиля Бабашкин–Таежный на Хамар-Дабане // Пожары в лесных экосистемах Сибири. — Красноярск: Изд-во Ин-та леса СО РАН, 2008. — С. 127–130.

Поступила в редакцию 2 апреля 2013 г.
